

ЖИЗНЬ ИДЁТ ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ

В нашу отечественную писательскую и поэтическую семью Иван Варфоломеев пришёл из журналистики. В этом своя закономерность. Журналистика издавна проявляется как своеобразный этап творческих личностей на пути в большую литературу. Скажем, прежде чем создать яркую по художественным типам и явлениям книгу «Москва и москвичи» Владимиру Гиляровскому пришлось много лет потрудиться на поприще газетно-журнального репортёра. Журналистами были писатели и поэты Николай Некрасов, Максим Горький, Владимир Маяковский, Аркадий Гайдар, Константин Паустовский, Константин Симонов... Кстати, в одной из своих публикаций Иван Варфоломеев вспоминает: кинолента по книге Константина Симонова «Живые и мёртвые» разбудила в его душе жгучее желание стать военным корреспондентом. И он стал им, сначала в периферийных военных газетах, а после – в главной армейской газете, в штате которой служил-трудился когда-то и сам Симонов. К месту будет сказать, что в сборнике, среди прекрасных по форме и содержанию стихов из раздела любовной лирики, есть стихотворение, посвящённое любви Константина Симонова и Валентины Серовой:

И хлынули, шумя струями,
Дожди, души тревожа тишь,
Сбегая мутными ручьями
По стокам уютных крыш.



Не под такой ли шум небесный
В своих стихах с заветным «Жди...»
Поведал нам поэт известный
Про грусть и «жёлтые дожди»?

Хорошо знаком с работой автора Ивана Варфоломеева в качестве военного корреспондента. Его творческие командировки по всей необъятной, ещё не разрушенной перестройкой стране, репортажи, статьи, очерки время от времени перемежались с литературными зарисовками, эссе, рассказами. Напряжённая, добросовестная сосредоточенность на освещении текущих событий (по-симоновски, «жив ты или помер, главное, чтоб в номер...») не позволяла замахиваться на серьёзные и объёмные литературные вещи. Кроме того, сказывалась зависимость от тогдашней цензуры, которая в военной периодике была особенно жёсткой. Но то и другое исчезло после того, как, отдав Родине тридцать с лишним лет военной службы, автор уволился в запас, а в ходе перестройки у него появилась возможность творить в свободном пространстве. То есть наступило время, когда творческие люди стали зависимы лишь от цензуры собственной совести и гражданской ответственности. Не случайно, опять же по признанию самого автора, одно из первых его значимых стихотворений появилось на странице портала Проза ру. Оно было навеяно интересом к древней и трагической истории России, грустью и любовью к ней («На дальнем блокпосту». 08.10.2014). Вот выдержка:

Весь потемнел Приокский дол
От полчищ грозного Батяя,
И прячешь ты детей в подпол,
Молясь на образа святые.



Свистит стрела, вонзаясь в дом,
Зовут на поле брани трубы,
И ратник, в облике моём,
Тебя целует крепко в губы.
И молвит: «Смерти не боюсь.
Бьюсь за Святую нашу Русь!»

Основная тема сборника «Судьба моя – Россия» композиционно раскрывается в девяти его разделах, художественно-смысловую суть которых отражают уже сами их названия: «Вечный круг», «Когда идёт война», «Весна – вселенская любовь», «Лето и лета», «Предзимье», «Зима – краса-кудесница», «Верность, Бог и любовь», «Добро над злом (юмор, ирония, сатира)», «Родство крови и души». Объединительным же рефреном всех разделов звучит мысль, выраженная в авторских строках: «Русь! На этом белом свете ты как мать в моей судьбе. Всей душой и после смерти верен буду я тебе». Оставляя неизблемыми исторические факты, не исключая и современных, автор, отметивший год с лишним назад своё восьмидесятилетие, на основе большого жизненного опыта, свидетельств родных, близких ему людей и своих соотечественников пытается осмыслить, оценить, угадать перспективу прошлого, настоящего и будущего нашей Руси-России, нашего русского, российского народа:

Но всё ж не зря приходит старость:
Преодолев мышленья узость,
То, что от юности осталось,
Лета дают нам шанс на мудрость.

(«Лето и лета»)

В концептуальном стихотворении «Поезд жизни», отождествляя человеческую жизнь с поездкой из детства к станции «с названием Старость», автор сборника подмечает:

Горячность, визги, смех и слёзы...
На вечер катит скоро поезд,
Жизнь выдаёт свои прогнозы
На часовой попутный пояс.

И к старости нам, без сомненья,
С хребтов, в закатной синей мгле,
Жизнь дарит высшее прозреньё
Во всё живое на земле.

В предзимнюю седую пору
В вагонах жизнь уже иная.
Всё чаще блещут в разговорах
Философические знанья.

Эти «философические знанья», или философски-диалектическое осмысление жизни в цельном единстве и борьбе всех её противоречий, характерно для многих других авторских произведений.

Неба синь и тёмный лес,
Мрак разгонят храма свечи.
Человеческий прогресс
Двигают противоречья.

В глубь хочу их заглянуть
Под ветров сухие звоны:
Кажет там победный путь
Скарабей Тутанхамону.